

**НИККИ
МАРМЕРИ**

*В чужих
морях*

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М28

Nikki Marmery
ON WILDER SEAS
Copyright © Nikki Marmery, 2020
Настоящее издание выходит с разрешения
Diamond Kahn & Woods Literary Agency и *The Van Lear Agency LLC*
All rights reserved

Перевод с английского Марии Валеевой
Серийное оформление и оформление обложки Сергея Жужнева
Иллюстрация на обложке Елизаветы Шмагиной
Карта выполнена Екатериной Скворцовой

Мармери Н.

М28 В чужих морях : роман / Никки Мармери ; пер. с англ. М. Валеевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 384 с. — (Терра инкогнита).

ISBN 978-5-389-26624-7

В апреле 1579 года знаменитый пират, капитан «Золотой лани» Френсис Дрейк взял на бордаж испанский галеон «Какафуэго». Помимо богатой добычи пираты прихватили с корабля темнокожую рабыню по имени Макайя. Кто она для англичан — пленница или гостя? Это зависит от того, удастся ли ей найти общий язык с капитаном Дрейком, которого команда зовет «генералом». Он единственный здесь принимает решения. Жизнь на борту корабля сурова и полна лишений, а молодой женщине к тому же приходится ежедневно защищаться от произвола и насилия. Макайе предстоит пройти череду нелегких испытаний, побывать в неизведанных землях, пересечь Тихий океан, славящийся грозными штормами и бурями... Но она не сдастся, не опускает руки и верит, что ей еще суждено испытать любовь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © М. А. Валеева, перевод, 2024
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26624-7

Книга первая

Новая Испания,
март — май 1579

Март 1579, Акапулько, 16° 50' северной широты

1

В день, когда сокровища Востока выгружают в гавани Акапулько, начинается торговля. Когда гвоздика, корица и мускатный орех, мускус, сандал и камфорное масло, шелка и фарфор, эбеновое дерево и слоновая кость взвешены, обложены налогом и отпущены купцам, когда галеоны от трюма до верхней палубы проверены на предмет контрабанды и отправлены на верфь для ремонта, когда большая цингой команда наконец сходит на берег, чтобы вознести молитвы за спасение жизни — тогда открывается гигантская ярмарка манильских галеонов.

Выжженный и пыльный город сразу увеличивается вдвое. Идут на трех ногах погонщики-арьерос с посохами, ведущие караваны мулов по коварным горным тропам. В повозках с железными колесами едут купцы из Мехико и Халапы — под богатыми балдахинами. С ними солдаты для охраны товаров, а также чиновники вице-короля для досмотра, надзора и описи. На своих двоих приходят индейцы-лоточники и нищенствующие монахи, шулеры и шляхи. По морю прибывают капитаны лимских

кораблей, чтобы наполнить трюмы шелками и духами, которыми покроют свои тела и смочат виски сладострастные лименьос.

Вот и я прибыла сюда на лимском корабле, хоть и не по своей воле — меня никто не спрашивал. И теперь толкаюсь в толпе мошенников и грешников, уворачиваясь от острых локтей и костлявых коленей, протискиваясь на свободное место, чтобы так же, как они, поторговаться или выменять товар, разложенный на столах, ковриках и прилавках.

Да, я тоже буду драться за эти сокровища: только дурак видит солнце и не спрашивает, для кого оно светит. Права была моя бабушка в этом, как и во многом другом. Я знаю наверняка — солнце светит, чтобы согреть и радовать меня, а еще вернее я знаю, что товар, купленный здесь за десять песо, можно продать в портах Гуаякиля, Пайты и Лимы за двадцать.

Если я буду осторожна, конечно. Потому что мне нельзя. Все, что я имею, по праву принадлежит дону Франсиско, да и я сама, целиком и полностью, включая мой труд и тело, принадлежу ему — да плюнет Дева на его меч и да нагадит дьявол ему на лицо! Но если меня не поймают, я сумею выгадать несколько песо, чтобы прибавить к тому немногому, что имеется у меня в кошельке. И однажды накоплю достаточно, чтобы обратиться к посреднику и выкупить свою свободу.

Однако нужно торопиться, мы скоро отчаливаем. Колокол «Какафуэго» звонит в гавани. Его знамена и вымпелы уже подняты и развеваются на ветру.

Красный на белом крест короля Испании реет на стене. Матросы скачут по снастям, как обезьяны.

Я бегу. Мне нужно на задворки площади, за больницу Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консоласьон¹. Я проталкиваюсь сквозь толпу продавцов, покупателей, воров и перекупщиков — все орут, хватают, торгуются, рабы и носильщики спотыкаются под тяжестью тюков; накрашенные женщины бесстыдно стреляют глазами по сторонам. Дети визжат от восторга при виде акробатов, кувыркающихся на дощатом помосте, и индейских музыкантов — звуки их арф и флейт плывут над площадью. Мимо, мимо... Но внезапно я упираюсь в эшафот. Сегодня там ожидают наказания двое рабов. По крайней мере, оба взрослые мужчины — не дети. Закованные в шейные и ручные кандалы, они готовы к тому, что на их голую плоть прольется кипящий жир. Значит, беглые. Пойманные в горах, куда они бежали за свободой. Теперь их взгляды устремлены туда: на серо-стальную гряду, возвышающуюся над городом и уходящую вдаль, к невидимым узким проходам и тайным долинам, которые могли бы их защитить.

Не буду смотреть. Лечу мимо. Прочь от места пытки рабов, в переулок, где ведется самая бесчестная торговля. В палатку метиса Фелипе, который обычно придерживает для меня обрезки. Я вижу

¹ Больница Нуэстра-Сеньора-де-ла-Консоласьон (Hospital de Nuestra Señora de la Consolación — Больница Богородицы Утешения (*исп.*)) была основана в Акапулько в середине XVI века при поддержке испанской короны монахом-августинцем Бернардино Альваресом. — *Здесь и далее прим. пер.*

его сквозь толпу издалека. Располнел и раздался в животе, по сравнению с тем, каким я видела его в последний раз: он процветает. Тюки китайского шелка, лусонского хлопка и муслина из Индии переливаются через край прилавка, лежащего на трех бочках.

— Мария! — Он приветствует меня распростертыми объятиями, и я растворяюсь в них. От него до сих пор пахнет дальним путешествием из Манилы: кислым потом, въевшимся в белье, и смолой, которая не отстирывается с холста.

Я отстраняюсь от зловония его подмышек.

— Есть у тебя что-нибудь для меня?

— Ничего, моза¹. Думал, ты умерла. Где ты была в прошлом году?

Я не хочу вспоминать о том, где была в прошлом году. Протягиваю руку, чтобы погладить прекрасный шелк изумрудно-зеленого цвета.

— Бог был добр к тебе, Фелипе.

— Это я был добр к себе.

— Сколько хочешь за это вот?

Он тянет отрез на себя.

— Я не могу сделать скидку, — качает он головой. — У меня семья. — Он приподнимает бровь, и я понимаю, что даже не спросила о ней.

— Как Николас?

— Ну как, — качает он головой, — скучает по тебе. — Потом оглядывается по сторонам и добавляет: — Пора бы тебе улизнуть от своего хозяина!

¹ Девочка (*исп.*).

Я скрещиваю руки на груди. Четыре раза я совершала переход в Манилу и обратно и четыре раза была уже готова смириться с неизбежной смертью. Дважды наша флотилия теряла один из кораблей со всей командой. Двенадцать недель, если не дольше, вечно серого моря и бескрайнего горизонта. И все ради чего? Николас — это, конечно, прекрасно. Он милый и ласковый ребенок, но не мой. А Манила ничем не отличается от Акапулько, Мехико, Веракруса или Вальпараисо. Я — рабыня в любом из уголков Нового Света.

Фелипе пожимает плечами.

— Вот этот могу отдать за восемь песо. — Он предлагает мне рулон черного шелка. — Украсишь вышивкой и сошьешь из него мантилью. А в Лиме сможешь продать ее за пятнадцать.

Я сердито смотрю на него.

— Четыре.

— Пять, — улыбается он. — А это — тебе на косынку. — И показывает отрез бязи.

Я смотрю на него с жадностью. С тех пор, как Гаспар-бондарь сорвал с меня шелковую косынку и выбросил в море, я хожу с непокрытой головой и мои волосы отданы на милость каждому маринеро, хватающему и дергающему за них.

Схватив кусок бязи, я собираю просоленные морем кудри в тонкий двойной узел на лбу. Такое облегчение! Выудив пять монет из мешочка на поясе, проверяю, сколько осталось. Около сорока песо. Здесь, так далеко от портов Северного океана, мне понадобится сто двадцать, и это при условии, что

дон Франсиско возьмет деньги за мою свободу... что маловероятно. Я сворачиваю шелк и, поразмыслив, засовываю мешочек за пояс юбки, а затем выправляю блузку, чтобы было незаметно.

Снова бьет колокол на «Какафуэго», и я обнимаю Фелипе. Крепко прижимаю его голову к груди, как если бы он был моим дорогим Николасом, и бегу. Переулками, между грубыми рыбацкими хижинами, сложенными из адоба¹. Мимо маринеро, ждущих очереди у публичного дома. Вокруг гавани — пробиваясь с боем сквозь солдатские патрули и таможенников, не выпускающих без подписи ни одного тюка и посылки, покидающих порт, — туда, где на воде стоит груженный, тяжело осевший корабль.

Я смотрю на него некоторое время. Он качается поблизости от причальной стенки, пришвартованный к древнему дереву сейба. Огромный, с таким высоким баком, что кажется, вот-вот опрокинется носом в море. Дон Франсиско находится на верхней палубе — его походку я узнаю где угодно. Он медленно вышагивает, опустив голову, как будто пробирается сквозь завесу стекающей смолы. Время от времени поднимает глаза, чтобы осмотреть галерею, заглянуть в люки. Он ищет меня.

Если бы я обладала смелостью тех мужчин на эшафоте, я бы уже мчалась в другую сторону. Вверх по тропе в горы. Чтобы отыскать ситарронов², которые

¹ Адоб — сырцовый кирпич из глины и резаной соломы; то же, что саман.

² Ситарроны или маруны — беглые рабы-негры в колониальной Вест-Индии, укрывавшиеся в неприступных горных и лесных районах и защищавшие свою свободу с оружием в руках.

свободно живут своей жизнью в скрытых в джунглях фортах. Или поплыла бы с Фелипе обратно в Манилу: там есть хотя бы мой дорогой Николас, которого можно ласкать и баловать. Но мне не хватает мужества, как, впрочем, и еще множества вещей.

— Попалась, негритоска! — Я каменею, а меня тащат назад, в переулок. Грязная рука зажимает рот, в нос шибает вонью рыбы и винного перегара. Клянусь всеми шлюхами Господними, это Паскуаль, лоцман с «Какафуэго».

— Что ты здесь делаешь? — усмехается он. Отпустив лицо, он хватается меня за подбородок и резко запрокидывает голову назад, другой рукой копяся в моих юбках: не может устоять перед возможностью полапать меня. Его сильные пальцы вонзаются мне в тело, отчего я сгибаюсь пополам от боли. Я закрываю глаза и прикусываю язык. — Есть! — он достает мой кошель. — Да у тебя под юбками не одно, а целых два сокровища!

Паскуаль достает шелк и вытряхивает монеты себе на ладонь.

— Интересно, — говорит он, — а дон Франсиско об этом знает? Неужели ты приторговываешь за его счет? Да еще на такие ничтожные суммы?

Я напеваю, не разжимая губ, чтобы заглушить звук его голоса. Я знаю, что грядет.

— Или, что более вероятно, просто обкрадываешь его. Утаиваешь от своего владельца его законный доход. — Он кладет в карман мои сорок песо, засовывает шелк за пазуху и возвращает пустой

кошель. — Но ты не бойся. Я спасу тебя от кнута, негритоска. Я ему ничего не скажу.

Он волочет меня, больно дергая за запястье, в глубину лабиринта из хижин и конюшен. Затаскивает на склад с дверью, скрипящей на одной петле. Я окидываю помещение взглядом. В углу привязан осел. Возле двери сложены пустые вьюки. Пол покрывает солома, на которую он меня толкает; я падаю, обдирая щеку о камень.

Ослик смотрит, моргая и лениво взмахивая длинными ресницами. Его хвост ходит туда-сюда, отгоняя мух. Позади меня Паскуаль, пьяно спотыкаясь, сражается со своими штанами.

Я считаю про себя. Не по-испански, а на родном языке. Кинк, черинк, часас. Единственные слова, которые остались в памяти. Яуналейх, чаматра, чаматракинк. Остальное подернуто туманом, вместе с лицом мамы и многим, что еще забылось.

Я досчитала до «кубах»¹ и досадую, что не могу вспомнить, как дальше, как вдруг замечаю крюк посоха аррьеро, торчащий из-под соломы. Я не размышляю, действую молниеносно — как ослиный хвост, прибивающий муху. Одним движением хватаю посох и разворачиваюсь, с приятным треском приложив его о голову Паскуаля. Он падает на пол, свернувшись калачиком, и орет, как младенец, а я стою, размахивая посохом, пока он не успел подняться. Он стонет, струйка крови стекает с виска и впитывается в солому. Я спиной вперед отступаю

¹ Один, два, три, четыре, пять, шесть... двадцать — на языке народа темне, проживающего в Сьерра-Леоне (Западная Африка).

к двери. Ослик визжит. Паскуаль вскидывается, и я, подбежав, на всякий случай добавляю что есть силы ему посохом по спине.

Я убегаю со склада быстрее ветра, лечу по узким улочкам, не останавливаясь до тех пор, пока не оказываюсь в гавани, у корявых, похожих на клубок ящериц корней старого дерева сейба. Прислонившись к его шершавому стволу, я пытаюсь перевести дух.

Все еще тяжело дыша, я смотрю, как последние носильщики покидают загруженный корабль. За ними следует инквизитор в черном, унося найденные запрещенные книги. Это будет унылое путешествие. Никаких рассказов о Неистовом Орландо под грот-мачтой после вечерних молитв. Никакой «Арауканы»¹, спетой под перебор гитарных струн. Две тысячи лиг житий святых и историй пап.

Я в последний раз бросаю взгляд на горы: на крутую узкую тропу, ведущую из Акапулько. Первые караваны мулов уже тронулись в долгую дорогу обратно в Мехико, поднимаясь с конопляных полей по лесистым склонам, густо поросшим деревьями пау-бразил.

Ничего не поделаешь. Выбора у меня нет. С кружащейся головой, крепко держась за веревку, я взбираюсь по шаткому трапу на верхнюю палубу «Какафуэго».

¹ «Араукана» — героическая поэма Алонсо де Эрсилья-и-Суньига о завоевании испанцами земель арауканов, обитавших на территории современного Чили. Первая часть вышла в 1569 году.

— Вот ты где, — говорит дон Франсиско, смотря на меня сверху вниз. — Умойся. Что с тобой случилось? — Ответа он не ждет.

Я подношу руку к лицу и понимаю, что из раны, полученной, когда Паскуаль швырнул меня на пол, идет кровь.

Вокруг снуют мужчины. Резкий звук боцманского свистка прокатывается над палубой. Матросы покрикивают в такт оборотам лебедки, выбирая из моря якоря. Большие паруса отвязаны от рей наверху. Они хлопают, разворачиваясь и наполняясь ветром. Трап поднимают, но затем снова опускают при виде Паскуаля: он выбегает из склада как раз вовремя, с красной рожей и окровавленной головой. Швартовый канат свернут в бухту на борту.

В каюте дона Франсиско на корме я смываю кровь со щеки и локтей жгучей морской водой. И проверяю, не завалилось ли в кошельке хотя бы песо. Но он плоский и пустой, как чрево девы. Бог счел нужным дать, а этот мерзкий каброн забрал. Я убираю кошель обратно под юбки.

Когда мы скользим по бухте мимо Исла-де-ла-Рокета, пара черношеих гусей танцует на плоской серой скале у кромки воды. Они шипят и гогочут друг на друга. Брачная пара. Ни горы, ни море для них не преграда. Они прилетают в Акапулько каждый октябрь, как раз ко Дню поминовения усопших, словно возвращаются вместе с мертвецами из могил: навестить живых и попить. И каждую весну снимаются с места и улетают — куда уж там они летят, — выстраиваясь острым, как наконечник

стрелы, клином. На север, где испанцы не имеют власти. Скоро настанет пора улетать. Если бы они могли взять меня с собой!

Но вот она я. Взаперти в скрипучей тюрьме «Какафуэго», под бдительным оком дона Франсиско и прочих негодяев, снова направляюсь в Лиму. Злосчастная Лима: место моих худших и самых продолжительных страданий.

Апрель 1579, Зонзонат, 13° 50' северной широты

2

Три года я провела на «Какафуэго», сначала с Гонсало, а потом с доном Франсиско, переходя из рук в руки вместе с парусами и котлами, как если бы была частью корабельной оснастки. Дважды в год мы совершаем одно и то же путешествие: из Акапулько в Кальяо-де-Лима, затем в Вальпараисо и обратно. Так что я точно знаю, где мы находимся. Этот водопад — серебряная лента, сбегаящая по увитой виноградом скале, — означает, что мы рядом с Зонзонатом. Шесть недель пути из Лимы.

Я кладу руки на живот. Неужели я все вообразила? Вроде никаких изменений. Но я чувствую себя так же, как в прошлый раз. Пока только слабость и головокружение. Но остальное придет. Ощущение одновременно голода и сытости. Тошнота и зреющее зловоние корабельных запахов. Жизнь, растущая внутри меня. Распирающая меня. Пока не придет время изгнать ее в агонии на краю жизни и смерти. И после всего этого он заберет его у меня, как и в прошлый раз. Ребенку не место на корабле, скажет он.

Ручка двери вздрагивает, и я едва успеваю совладать с лицом, прежде чем он входит. Как всегда, медленно. Он подобен ленивой древесной обезьяне, которую испанцы из-за этого прозвали «перезосо» — ленивец.

— Я не ждала вас так скоро, ваша милость.

— Нас потревожили, — говорит он, пряча взгляд под тяжелыми бровями. Я вижу, за едой тревоги обошли его стороной, поскольку на жилете блестит свежее жирное пятно, которое черта с два отстираешь. Возлюби его Господь, кто носит в морском походе белый шелк?

— Ты поела? — Он не ждет ответа, а бросает мне окорочок цесарки, который я ловлю на лету, не давая упасть на пол. Мясо отличное. Не подгоревшее. Изжаренное в меду.

— Капитана позвали на мостик, — говорит он. — Неизвестный корабль изменил курс и идет на нас.

— Может, он везет письмо? От его превосходительства? — Я думаю про себя, что если нам придется повернуть назад, то клянусь — на этот раз точно убегу в горы.

Но нет.

— Это не испанский корабль.

А чей же еще? Португальский? Но их треугольные паруса невозможно спутать с квадратными испанскими.

Дон Франсиско открывает сундук у кровати и не глядя выбрасывает из него льняные рубашки, тюки шелка и тафты. Его волнует только одно: мешочек из желтого шелка, перевязанный красной бархатной

лентой. Он берет его бережно, как Святой Грааль, и водружает на стол.

Другие тяжелые вещи: серебряные слитки длиной с мою руку по локоть, мешочки с монетами, посуду из китайского¹ фарфора — он оставляет в сундуке.

Сил нет смотреть на беспорядок, который он устроил, а ведь мне предстоит его убирать, поэтому я высовываюсь в окно. Дует прохладный ветер. Маленькими кусочками я откусываю медовое мясо, чтобы растянуть удовольствие, и смотрю, как проплывает мимо суша.

Густые джунгли карабкаются к горным вершинам. Желтые скалы обрываются прямо в море, словно срезанные лопатой. Широкая река несет в море свои воды, вспенивая бурные волны в том месте, где они встречаются.

Как прекрасны и пустынно открывающиеся взгляду виды! Но со всех сторон они зажаты в тисках удушающей власти испанцев. Я обгладываю остатки мяса с косточки и бросаю ее в море. Она описывает в воздухе дугу, и вода бурлит в месте падения от устремившейся туда любопытной рыбы. Вверху, наблюдая за рыбой, кружат чайки. А из глубины за всеми следят тибуроны², выжидающие награды поважнее, чем маленькая рыбка или куриная ножка. И ни следа корабля — ни португальского, ни какого другого.

¹ Китай — историческое название Китая, употреблявшееся европейцами.

² Tiburón — акула (*исп.*).

Когда я отворачиваюсь от окна, дон Франсиско все еще роется в сундуке.

— Вы что-то ищете, ваша милость? — Я поднимаю и складываю брошенные тряпки.

— Проклятые очки.

Конечно, очки там же, где всегда: на верхней полке, которую он не замечает, потому что вечно смотрит под ноги. Он молча берет их у меня.

Он рассеян, поэтому я осмеливаюсь спросить:

— Что вас беспокоит, ваша милость?

Мой хозяин не отвечает. Я касаюсь его руки.

— Ничего. Вот только...

— Что?

— У корабля, который нас преследует... очень низкая палуба.

Ага, теперь и я понимаю. Потому что он, хоть и ведет себя как ленивая древесная обезьяна, никогда прежде не бывавшая на борту корабля, провел в Новом Свете много лет. Как и я, он прибыл сюда одиннадцать лет назад, хотя, конечно, другим способом. Он явился с испанским флотом 1568 года, который сражался с англичанами при Сан-Хуан-де-Улуа, а позже был в Панаме во времена Корсара, а потому испытывает естественный ужас перед лютеранами.

Но этого не может быть. Им не пересечь горы и не пройти через Южные проливы, смертоносные даже для испанцев, у которых есть карты и описания каждого корабля, прошедшего мимо них.

Так что совершенно невозможно, чтобы английские собаки рыскали в этих водах.

«Какафуэго» означает «Извергающий огонь»¹. Он назван так в честь мощи его великих орудий. Но когда дело доходит до внезапного и совершенно неожиданного в этих водах нападения, мы не делаем ни единого выстрела.

Сейчас ночь, и желтая луна низко висит над морем. Когда дон Франсиско идет посоветоваться с капитаном, я следую за ним на носовую палубу, поэтому нахожусь там, когда корабль, узкий и низкий, поравнявшись, скользит бок о бок с нами в темноте.

— Кто вы? — окликает рулевой. — Откуда идете? Его слова тонут в безмолвии.

Боцман поднимает команду — свистать всех наверх, к огненным позициям. Его свист гонит нерасторопных пушкарей с пальниками в руках на оружейную палубу. Но времени уже нет.

Внезапно раздается грохот, и все затягивает дымом. Ядра сыплются на нас дождем, вздымая в воздух огонь и пепел пылающих обломков бортов и палубы. Дон Франсиско кричит: «Беги!», и мне не нужно повторять дважды. Барабанные перепонки, кажется, сейчас лопнут. Удушливый дым лезет в глаза и ноздри. Я нащупываю дорогу, держась за планшир, пока не добираюсь до кормы, оббивая ноги о канатные тумбы и спотыкаясь о сами канаты, свернувшиеся в темноте, как змеи.

¹ Дословно — испражняющийся огнем.

Литературно-художественное издание / Ғедеби-көркем басылым

НИККИ МАРМЕРИ
В ЧУЖИХ МОРЯХ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректор Антонина Филимонова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.09.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филiaal ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-TER-35616-01-R